

НИНА ЛЫСКОВА (Санкт-Петербург)

АРГУМЕНТЫ-СУБЪЕКТЫ В ОБСКО-УГОРСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аргументы-субъекты в обско-угорском предложении излагаются нами в следующей последовательности: 1) из истории вопроса; 2) активный субъект; 3) краткие сведения об остальных субъектах.

Глубинные падежи субъекта в обско-угорском предложении рассматриваются через инвентарь глубинных падежей, детально разработанный американским лингвистом Ч. Филлмором. Он предложил систему описания глубинных падежей и проанализировал глубинную структуру английского языка. Его список семантических ролей включал три аргумента-субъекта: агентив — одушевленный побудитель действия; контрагентив — сила, мешающая действию; адресат (реципиент) — лицо, ощущающее эффект действия (Fillmore 1971).

Глубинная структура других индоевропейских языков стала объектом исследования многих ученых. Своеобразную теорию глубинной структуры на материале французского языка разработал В. Г. Гак. В его системе отсутствует падежная (ролевая) терминология. По мнению В. Г. Гака, соответствие реального актанта синтаксическому отражает глубинную структуру. Данная система представляет несколько ролей субъекта: субъект (отправитель); адресат; субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор...) (Гак 1969 : 78). В обширном списке ролей Ю. Д. Апресяна обнаруживаются следующие глубинные падежи субъекта: субъект, контрагент, получатель, адресат. По признанию самого автора, его система не свободна от разного рода синтаксических ассоциаций, так как заметную роль синтаксические факторы играют прежде всего в глагольной валентности (Апресян 1973). Предлагаемая В. В. Богдановым система падежных отношений получена в результате исследования текстов на четырех языках (русском, английском, французском и немецком). Она включает следующие глубинные падежи субъекта: агентив — семантема активного одушевленного производителя действия; бенефициатив — семантема одушевленного аргумента, выступающего в функции адресата, получателя или вообще того, в чью пользу или в ущерб совершается действие; экспериенсив — семантема одушевленного аргумента, находящегося в некотором физиологическом или психическом состоянии; дескриптив — семантема аргумента как носитель свойства, выражаемого предикатом (Богданов 1977).

Глубинная структура финно-угорских языков также служила предметом изучения ряда исследователей: в финском языке П. Сиро отмечает четыре

семантические роли (Siro 1975); А. Хакулинен и Ф. Карлссон предлагают список из 10 семантических ролей (Hakulinen, Karlsson 1979 : 102) и т. д.

Описывая синтаксис прилагательного в эстонском языке, М. Эрелт считает возможным выделить 10 ролей. Назовем, какие, на наш взгляд, выражают субъект: агент — одушевленный или квазидушевленный производитель действия: *e m a p e s e b l a p i g a p õ r a n d a t* 'м а т ь моет тряпкой пол'; *r o b b o t j o o k s e b* 'р о б о т бежит'; экспериенцер — одушевленный или квазидушевленный объект (мы же считаем, что субъект — Н. Л.), находящийся в каком-нибудь психическом или физиологическом состоянии: *m a t e a n s e d a* 'я знаю это'; *l a p s n ä g i õ u n a* 'р е б е н о к увидел яблоко' и т. д.; бенефициант — обладатель или получатель, обычно одушевленный или квазидушевленный объект (мы считаем, что субъект — Н. Л.): *p o i s i l o n r a a m a t* 'у мальчика книга'; *m a a n d s i n p o i s i l e r a a m a t u* 'я дал м а л ь ч и к у книгу' и т. д. (Эрелт 1980). Обратим внимание на то обстоятельство, что экспериенцер и бенефициант (в нашей терминологии экспериенсив и бенефициатив) также выражают субъектные ролевые отношения, но никак не объектные.

На материале водского языка Х. Хейнсоо описывает только аргументы-субъекты. Всего их семь: 1) агент — производитель живого или квазживого действия: *süämikko i n e h m i n e s g i t t e l e v* 'злой ч е л о в е к ругается'; 2) экспериенцер — одушевленный денотат, находящийся в определенном психическом или физиологическом процессе или состоянии: *t ä m ä t ä p k e i k k ä* 'о н з н а е т в с е'; 3) каузатор — невольный непосредственный виновник события-результата в каузативной ситуации: *t ü v ä z i t ä b m i n n u a* 'р а б о т а утомляет меня'; 4) бенефициант — владелец или получатель, одушевленный денотат: *m i ä s a i n p o s e l k ä* 'я получил посылку'; 5) пациент — денотат, на который направлено действие или который находится в каком-то состоянии или процессе: *t š ä s i o n k i p e ä* 'р у к а болит'; 6) инструмент — средство выполнения действия: *k u t t e r i p i i v v ä p k a l l ä* 'м о т о р к а ловит рыбу'; 7) экзистент — то, о существовании чего что-то говорится: *m i l o n p o i c* 'у меня есть с ы н' (Хейнсоо 1987 : 4).

Из семи ролей в списке Х. Хейнсоо только первые четыре называют субъект (в нашей терминологии: агентив, экспериенсив, каузатив, бенефициатив). 5-я и 6-я роли данного списка являются объектными падежами (в нашей терминологии: пациентив и инструментатив). Не совсем ясно, что понимает автор под термином *экзистент*: идет ли речь об экспериенсиве (субъекте) или о делиберативе (объекте). На наш взгляд, не совсем точно расшифровывается роль агента: думается, действие само по себе не может рассматриваться как живое или квазживое, речь должна идти об активном одушевленном субъекте. Следовательно, список Х. Хейнсоо включает не только роли субъекта, но и роли объекта. Автор делит семантические роли на одушевленные и неодушевленные, активные и пассивные (Хейнсоо 1987).

Субъект пассивных конструкций обско-угорских языков описывает У.-М. Кулонен. Пассив представлен на материале народной поэзии. Автор выделено два типа пассивных конструкций: имперсональная и персональная. В персональных пассивных конструкциях пассивный субъект выполняет многие семантические роли: 1) пациент (нормальный объект); 2) нейтраль (нормальный объект без сознательного деятеля); 3) место (локатив); 4) адресат; 5) извлекаемый (бенефактив); 6) время (темпоратив); 7) производитель; 8) сила (ветра, тока) (Kulonen 1989).

Прежде чем предложить наш список аргументов-субъектов, отметим специфическую форму выражения активного субъекта (агентива) в восточно-

хантыйских диалектах. Наличие в этих диалектах особого локативного падежа для выражения активного субъекта (вах. *-нә/-нӓ*; сург. *-нӓ*), а также необычное использование латива (манс. *-н*) и локатива (хант. *-н/-на*) в пассивных предложениях побудили нас к поиску ответов на вопросы: 1) чем это вызвано? 2) как рассматриваются подобные явления в других языках?

В лингвистической литературе категория одушевленности описывается на фоне генитивных и посессивных форм. Активный падеж в языкознании известен как *nomen agentis*, о нем писали многие. Деление семантических функций на одушевленные и неодушевленные, характерное для глубинной структуры, в поверхностной структуре может иметь морфологическое выражение (падежный формант) (Серебренников 1955 : 66; 1976 : 241—242). Категория одушевленности в склонении генетически неотъемлема от формирования категории падежа и принадлежности в индоевропейских, финно-угорских, самодийских и языках народов Сибири (кетский). Так, консонантные показатели (*-r, -n, -l*) в склонении древнегерманских существительных рассматриваются как реликт некогда существовавшего активного падежа, маркировавшего одушевленные существительные (Осипова 1980; 1981; Сравнительная грамматика германских языков 1963 : 79, 275; Туманян 1971 : 227; Савченко 1974 : 199—200).

Вероятно, форманты генитива (притяжательности) и относительных прилагательных в самодийских языках генетически связаны с категорией одушевленности, так как в финно-угорских языках посессивный аффикс маркирует существительные родственной терминологии, части тела и наименования одежды (Основы 268—269). Эти слова в древних языках составляли класс одушевленных, активных аргументов (*nomina agentis*). Наиболее древний пласт готских слов характеризуется преобладанием одушевленных существительных (Осипова 1981 : 10). У древних германцев и индоевропейцев в понятие активности входили не только живые существа, но и предметы культа, например, языческие идолы. Списки таких слов не отличались стабильностью: общество развивалось и понятие о социальной значимости менялось, поэтому активный класс пополнялся новыми словами (Климов 1977 : 206—207). Разнообразные самостоятельные маркеры одушевленности, падежа и принадлежности в енисейских и индоевропейских языках формировались из местоимений (следовательно, эти маркеры генетически местоименного происхождения) в ранние периоды развития языков. На более поздних этапах развития языков показатели одушевленности, падежа и принадлежности унифицировались (Осипова 1988 : 161—166). Известно, что посессивные аффиксы в уральских языках также имеют местоименное происхождение.

В качестве *nomen agentis* можно рассматривать локатив в семантической функции агентива (одушевленного реального субъекта) в современном ваховском диалекте хантыйского языка с формантом *-нә/-нӓ* (возможно, эта необычная форма выражения подлежащего в номинативном хантыйском языке является реликтом активного падежа в угорских (финно-угорских, уральских) языках). Формант *-нә/-нӓ*, на наш взгляд, совмещает понятия активного падежа и одушевленности, понятие принадлежности маркируется самостоятельным показателем местоименного происхождения: *ӓн'ипилнӓ ликӓр кӓч илӓ н'ӓтӓстӓ, ликӓр тӓуы сӓуликӓнтӓ* 'сестра тронула было нарту, нарта рассыпалась'; подлежащее (агентив) *ӓн'и-пил-нӓ* (*ӓн'и* 'сестра', *-пил* — посессивный аффикс 3 л. ед. ч., *-нӓ* — формант локатива (активного падежа); пример см. Терешкин 1961 : 50).

Общаясь с ваховскими ханты, А. Н. Баландин отмечал, что локатив (в

терминологии А. Н. Баландина — творительно-совместный падеж, а Н. И. Терешкин называет его местным) в значении реального субъекта осознается современными ваховскими ханты как активный падеж действующего лица. При этом он добавлял, что и в сургутском диалекте хантыйского языка локатив используется для выражения активного деятеля, что иллюстрировал следующим предложением: *икинӓ қаот вӓртых* 'стариком дом сделал' (Баландин 1947 : 311).

В обско-угорских языках, как и во всех финно-угорских (уральских), наряду с категорией одушевленности-неодушевленности, существует категория человек-не человек. Категорию человек составляют только одушевленные существительные, обозначающие людей (активное разумное начало) и отвечающие на вопросы: хант. *хой?*; манс. *хоуха?* *хотьют?* 'кто?'.
 Выражение субъектно-объектных падежных отношений зависит от залога. А *ргіогі* можно предположить, что формы активного залога возникли до выделения активного и пассивного залогов. Вероятно, формированию категории залога предшествовала особая «активная структура», реликты которой мы обнаруживаем в современных языках. «Активная структура» отличалась ориентацией на активное начало в действии. Этому способствовали факторы выделения личности из коллектива, эволюция собственных имен, названия лиц — одушевленные предметы (*nomina agentis*).

Активный тип субъекта (*агентив* в нашей терминологии) пассивной конструкции реализуется местно-творительным падежом в обдорском и приобском диалектах хантыйского языка с суффиксом *-н/-на/-нэ* (Русская 1961 : 129—130; 1962 : 261). В мансийском языке агентив реализуется «реликтовым» суффиксом латива *-н* (Баландин, Вахрушева 1957 : 137).

Следует указать, что наиболее распространенной формой выражения субъекта является его морфологическая неформленность. Морфологическая оформленность-неформленность активного субъекта нами представляется следующим образом:

Активный субъект		
оформленный		неоформленный
активная конструкция	пассивная конструкция	активная конструкция
Только восточнохантыйские диалекты:	Все хантыйские и мансийские диалекты и говоры:	Все хантыйские и мансийские диалекты и говоры:
вах. локатив <i>-нэ/-нӓ</i> сург. локатив <i>-на/-нӓ</i>	хант. местно-творительный <i>-н/-на/-нэ</i> ; манс. латив <i>-н</i> .	номинатив <i>-ө</i> .
вах. <i>и к и н ӓ рытӓл верлӓтӓ</i> 'стариком лодку-его делает-ее'; сург. <i>и к и н ӓ қаот вӓртых</i> 'стариком (можно: в старике) дом построил'	хант. <i>и к и й н хоп верла</i> 'стариком лодка делается (букв. в старике лодка делается)' манс. <i>о й к а н хан вараве</i> 'стариком лодка делается (букв. к старику лодка делается)'	хант. <i>и к и хоп верл</i> 'старик делает лодку'; <i>и к и хопел верлалӓ</i> 'старик лодку его делает-ее' манс. <i>о й к а хан вари</i> 'старик лодку делает'; <i>о й к а хане варитӓ</i> 'старик лодку-его делает-ее'

Во всех примерах сказуемое выражено переходным глаголом со значением продуктивного действия субъектного, субъектно-объектного, субъектно-пассивного спряжения. А. Н. Баландин акцентирует внимание на буквальном переводе падежа, реализующего активный субъект: вместо русского соответствия в творительном падеже (инструменталис) в хантыйском используется локатив ('в старике', т. е. место), в мансийском — латив ('к старику', т. е. направление). И хантыйский локатив, и мансийский латив восходят к древнему финно-угорскому локативу (Баландин 1947 : 311; 1967 : 298—304).

Семантические роли субъекта обуславливают ситуации. Активным участником события считается агенс, но число возможных активных деятелей не ограничивается одним агенсом: «Например, в событии, которое мы будем называть торговым событием, участвуют, играя при этом активную роль, два разных лица, и действия каждого из них входят в понимание любой лексической единицы, которая может использоваться для описания такого события в целом или любого из его аспектов» (Филлмор 1981 : 517). Аргументы при этом проецируются конкретными глаголами (глагольное управление). Вот как описывает это Ч. Филлмор: «Например, если я хочу остановиться на перспективе продавца и товаров, я употребляю глагол 'продавать'. Если мне надо остановиться на перспективе покупателя и денег, то я употребляю глагол 'тратить'. Если я хочу включить в перспективу либо покупателя и деньги, либо покупателя и продавца, я употребляю глагол 'платить'. Если мне надо выбрать перспективу товаров и денег, я употребляю глагол 'стоять' и т.д.» (1981 : 518).

Перейдем к непосредственному изложению глубинных падежей субъекта в обско-угорских языках (для иллюстрации используется в основном собранный автором статьи языковой материал).

А г е н т и в (агенс) — глубинный падеж со значением активного одушевленного деятеля. Активный деятель — это прежде всего человек (производитель действия): хант. *вэн хэл юх и к и й н сэврса* 'старик срубил большую елку (букв. большая елка с т а р и к о м срублена)'; манс. *в о р а я н м а х у м уй сэлсат* 'о х о т н и к и (букв. лесующий народ) добыли зверя'. В роли агентива могут выступать наименования животных: хант. *а м п е м н анэм шукатса* 'с о б а к о й - м о е й чашка-моя поломана'; манс. *л у в н норыт хартыглавесыт* 'л о ш а д ь ю бревна переташены'.

К а у з а т и в (каузатор) — глубинный падеж, обозначающий инициатора события-результата в каузативной ситуации. Каузативные формы глаголов обладают сложным лексическим значением, т.е. наряду с общим лексическим значением, которое объединяет их с однокоренными некаузативными глаголами, отмечается каузативный маркер, сема 'просить, давать, позволять, предоставлять, поручать, заставлять сделать то, что названо основой глагола'. Введение каузативного маркера (*-lt*, *-pt*) в состав глагола меняет семантическую ситуацию, «порождает» соответствующую валентность: «Сущность каузации состоит в добавлении к ситуации одного участника — «каузатора» и соответственно введении нового имени-актанта на синтаксическом уровне» (Вахтин 1992 : 17). Например: хант. *и к и кусэл ентая карлунтаслэ* 'с т а р и к дугу заставил округлиться'; манс. *м а х м а н у м а нум хасаптал лёмуитн тытгуптасаныл* 'д о м о ч а д ц ы - м о и меня без полога комарам предоставили'.

Э л е м е н т и в — активный неодушевленный субъект (стихийный производитель действия): хант. *й и џ к н лёхитум Ас питар ил рохнемас* 'в о

д о й подмытый берег Оби обрушился (обвалился)'; манс. *колум у л я н тай-вес* 'дом-мой сгорел (букв. о г н е м съеден)'. Предложения с субъектом-элементивом выражают стихийные природные процессы, «действия» природных сил, повествуют о погоде и о течении времени: *w'eset n ā j n a ɣajsa* 'лицо-мое с о л н ц е м опалено' (Русская 1962 : 261); манс. *халь капай в о т н паттавес* 'огромная береза (букв. береза-увеличит) в е т р о м повалена'. Когда речь идет о погоде, имеют место формально расчлененные структуры с асемантическим элементом в роли субъекта: хант. *е р т е ртыт* 'дождь дождит'; манс. *т у й т туйты* 'с н е г снежит'. Чаще асемантический элемент в роли субъекта опущен: хант. *вотыт*, манс. *воты* 'дует (ветер) (букв. ветрит)'.

Э к с п е р и е н с и в — одушевленный субъект, находящийся в определенном физиологическом или психическом состоянии. Такие субъекты встречаются, если в предложении имеется информация об интеллектуальном оперировании объектами. В результате интеллектуального действия субъект-экспериенсив в определенном отношении меняется сам или обретает, восстанавливает, хранит в своей памяти: хант. *э в и е нумсаңа йис* 'д е в о ч к а (ласк.) стала умной'; манс. *а с е алысьлан каныт ваганэ* 'о т е ц - е г о знает-их места промысла'. В предложении сообщается о психическом (эмоциональном) состоянии субъекта: хант. *и м и лыкел си нэ пела этл* 'с т а р у х а ненавидит ту женщину (букв. гнев-ее с т а р у х и по направлению той женщины выходит)'; манс. *н я в р а м хот эссамавес* 'р е б е н о к застеснялся'. Субъект-экспериенсив может испытывать страх: хант. *и м и л э н к е т палтапн юхатсаит* 'ж е н щ и н ы (унич.) испугались (букв. ж е н щ и н ы страхом прийдены)'; манс. *а п ы г к е м анумыл мось хурилы* 'в н у ч е к - м о й меня (букв. от меня) немного побаивается'. Субъект-экспериенсив испытывает или преодолевает психофизиологические нагрузки: хант. *н я в р е м е н сялыт* 'д и т я - т в о е плачет'; манс. *о й к а м авмалты* 'м у ж - т в о й болеет'.

Б е н е ф и ц и а т и в — одушевленный субъект, являющийся в конкретной ситуации (контексте) то адресатом (кого? кому?), то получателем-бенефициантом (кто?), то обладателем-владельцем (у кого?). Бенефициатив — это третий по степени важности и частотности компонент структурно-семантической схемы кто—что—кому, т. е. агентив—объектив—бенефициатив в следующей падежной рамке (фрейме): [__А, О, В]. Для предложений с бенефициативом характерны глаголы: хант. *маты*, манс. *миңкве* 'дать, давать, раздать, раздавать'; хант. *мойлопаты*, манс. *муйлуптаңкве* 'дарить, подарить'; хант. *тынты*, манс. *тыналаңкве* 'продавать, продать'; хант. *китты*, манс. *кетуңкве* 'отправлять, посылать'; хант. *тайты*, манс. *оньсюңкве* 'иметь, держать' и т. д. Примеры: 1) со значением адресата: хант. *вах. mikitä inkäl ä n k i l ä tustä* 'Никита куропатку м а т е р и - е г о принес'; манс. *хулын посылка к а н к у м и кетвес* 'посылку с рыбой (букв. рыбную посылку) отправил б р а т у - м о е м у'; 2) со значением владельца (обладателя): хант. *ма н у х е м хотн омассэм* 'я с ы н у - м о е м у дом построил-его (букв. я с ы н - м о й домом посадил-его) — смысл высказывания 'я сделал сына своего владельцем дома'; манс. *п ы г р и с ь нэпек оньси* 'у м а л ь ч и к а книга (букв. м а л ь ч и к имеет книгу)'; 3) со значением бенефицианта (получателя): хант. *мастер хошты вераң ху ар вох вул* 'м а с т е р - у м е л е ц получает много денег'; манс. *мак ёмасыг эрганэ ойка яныг премия вис* 'л у ч ш и й п е в е ц получил большую премию'.

Д е с к р и п т и в — одушевленный или неодушевленный субъект, носи-

тель свойства. Субъект-дескриптив имеет место, если в предложении констатируется неоспоримый факт: хант. *т о м а н харһайтса* 'замок заржавел'; манс. *ты в а р м а л ь хосат олыс* 'это дело было давно (т. е. д е л о давнее)'. Субъект-дескриптив обладает постоянными свойствами, заведомо известными всем, само собою разумеющимися: хант. *м и с а т пэслаит* 'к о р о в ы доят (т. е. к о р о в доят)'; манс. *алпыл х о т а л нэгли* 'утром с о л н ц е встает'. Подобные свойства фиксируются при номинации преобладающей черты характера человека, его способностей, умений и навыков: хант. *С е м а н и к и каркам хэ* 'с т а р и к Семен — трудолюбивый человек'; манс. *У л и к с и о й к а номтың хум* 'с т а р и к А л е к с е й — мудрый человек'. В одноместных предложениях действие, выраженное глаголом, представляется как свойство субъекта. В таких предложениях передается процесс как состояние, занятие или умение субъекта (введение объекта — невозможно!): хант. *п у х е м рэпитл* 'сын-мой работает' (в смысле 'имеет работу'); манс. *а г и р и с ь ловиньты* 'д е в о ч к а читает' (в смысле 'научилась читать').

К о м и т а т и в — одушевленный и неодушевленный сопроводитель субъекта действия. Субъект-комитатив семантически интерпретируется в следующих ситуациях: 1) совместность лиц в действии: хант. *имеһан-и к е н у а н усһан* 'жили-были старуха с о с т а р и к о м (букв. старухи (дв. ч.)-старика (дв. ч.) жили (дв. ч.)'; манс. *һаң э к в а л минэн* 'ты с ж е н о й иди'; 2) совместность в действии человека и животного: хант. *калаһ савийты хуй а м п е л н а маньс* 'пастух (букв. оленей берегущий человек) с с о б а к о й - е г о ушел'; манс. *тусың ойка к а т и т э т ы л уһлахолы* 'бородатый старик с к о ш к о й - е г о посиживает'; 3) совместность в действии двух животных: хант. *тов м и с н а ий хотһ усһын* 'лошадь с к о р о в о й в одной стае (коровнике-конюшне) жили (дв. ч.)'; манс. *кати с и с ь к у - р е к е т ы л олантэҗ* 'кошка с п е т у х о м - е е пожидают (дв. ч.)'. В обско-угорских языках используются комитативные словосочетания, в которых называется объект, сопутствующий действию. В подобных случаях используются вопросительно-относительные местоимения хант. *муй*, манс. *манар* 'что', без них невозможно передать значение «общности» всего необходимого интерпретируемой ситуации: хант. *йивпохыт йит а м п ы т м у и т н ы* 'брат-его идет с с о б а к о й и всем необходим ы м (к примеру, для промысла)'; манс. *ам юртум кон квалыс ё с а г е м а н а р е т л* 'мой друг-мой вышел на улицу с л ы ж а м и (дв. ч.) и всем прочим'.

К о н т р а г е н т и в — одушевленный или неодушевленный аргумент со значением противника, партнера или силы, сопутствующей осуществлению действия. Семантическая роль контрагентива возможна в ситуациях войны, борьбы (глаголы хант. *лалысты*, манс. *хонтлуңкве* 'воевать'; хант. *катласаты*, манс. *ёралахтаңкве* 'бороться'), драки (глаголы хант. *һют ветты*, манс. *алхатаңкве* 'драться'), торговли с кем-то (глаголы хант. *тынэсаты*, манс. *тыналахтаңкве* 'торговать'): хант. *в у р а к н а лалисасат* 'с в р а г о м сражались'; манс. *вораян хумит р у с и т ё т тыналахтасыт* 'охотники торговали с р у с с к и м и'. В качестве контрагентива можно рассматривать хант. *мит*, манс. *метхум* 'батрак, наемник' в словосочетаниях: хант. *мита манты*, манс. *метхумиғ минуңкве* 'пойти в батраки, наемники; стать батраком, наемником'.

Итак, восемь аргументов составляют глубинный субъект: агентив, каузатив, элементив, экспериенсив, бенефициатив, дескриптив, комитатив и

контрагентов. Каждый из них имеет свое категориальное значение, которое в поверхностной структуре реализуется разнообразными средствами.

Аргументы-субъекты реализуются в активной, пассивной структурах, в односоставных (безличных) предложениях. В активной конструкции имеют место агентив, каузатив, бенефициатив, дескриптив, комитатив и контрагентив; в пассивной — агентив, элементив, экспериенсив, бенефициатив. В каузативной ситуации используются агентив, каузатив. Во всех трех структурах употребляются агентив, элементив, экспериенсив, бенефициатив.

Описание глубинных падежей субъекта говорит о многоаспектности понятия «субъект»: 1) логический субъект — один; 2) структурно-синтаксических (грамматических) — три: подлежащее активной структуры — агенс, подлежащее пассивной структуры — пациенс, подлежащее каузативной ситуации — каузатор; 3) семантических субъектов (на материале обско-угорских языков) — восемь: агентив, каузатив, элементив, экспериенсив, бенефициатив, дескриптив, комитатив, контрагентив.

ЛИТЕРАТУРА

- А п р е с я н Ю. Д. 1973, К построению языка для описания синтаксических свойств. — Проблемы структурной лингвистики, Москва, 279—325.
- Б а л а н д и н А. Н. 1947, Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкции глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. — Ученые записки ЛГУ, № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2, Ленинград, 301—315.
- Б а л а н д и н А. Н., В а х р у ш е в М. П. 1957, Мансийский язык, Ленинград.
- Б о г д а н о в В. В. 1977, Семантико-синтаксическая организация предложения, Ленинград.
- В а х т и н Н. Б. 1992, Синтаксис языка азиатских эскимосов. Автореф. докт. дисс., С.-Петербург.
- Г а к В. Г. 1969, К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). — Инвариантные синтаксические значения и структура предложения, Москва, 77—85.
- К л и м о в Г. А. 1977, Типология языков активного строя, Москва.
- О с и п о в а О. А. 1980, Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка), Томск.
- — 1981, К типологической характеристике выражения одушевленности в системе склонения в енисейских и индоевропейских языках. — Языки и топонимия, Томск, 5—14.
- — 1988, Общие следы активной структуры в склонении существительных в уральских, енисейских и индоевропейских языках. — СФУ XXIV, 161—167.
- Основы финно-угорского языкознания, Москва 1974 (= Основы).
- Р у с с к а я Ю. Н. 1961, Самоучитель хантыйского языка, Ленинград.
- — 1962, О некоторых особенностях падежной системы приуральского говора хантыйского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания. Сборник научных трудов, Ленинград, 257—264.
- С а в ч е н к о А. Н. 1974, Сравнительная грамматика индоевропейских языков, Москва.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1955, К проблеме типов абстракции. — Вопросы грамматического строя, Москва.
- — 1976, Miscellanea. — СФУ XII, 237—244.
- Сравнительная грамматика германских языков, т. III, Москва 1963.
- Т е р е ш к и н Н. И. 1961, Очерки диалектов хантыйского языка. Ваховский диалект, Москва—Ленинград.
- Т у м а н я н Э. Г. 1971, Древнеармянский язык, Москва.

- Филлмор Ч. 1981, Дело о падеже. — Новое в зарубежной лингвистике, Москва, 369—496.
— — 1981, Дело о падеже открывается вновь. — Новое в зарубежной лингвистике, Москва, 496—531.
- Хейнсоо Х. 1987, Взаимоотношения сказуемого и подлежащего в водском языке. Автореф. канд. дисс., Тарту.
- Эрелт М. Я. 1980, Синтаксис прилагательных эстонского языка. Автореф. докт. дисс., Таллинн.
- Fillmore, Ch. J. 1971, Some Problems for Case Grammar. Working Papers in Linguistics 10. Department of Linguistics. Ohio State University, 245—265.
- Hakulinen, A., Karlsson, F. 1979, Nykysuomen lauseoppi, Jyväskylä.
- Kulonen, U.-M. 1989, The Passive in Ob-Ugrian, Helsinki.
- Siro, P. 1975, Sijakielioppi, Jyväskylä.

NINA LYSKOVA (Sankt-Petersburg)

THE ARGUMENTS AS THE SUBJECTS IN OB-UGRIC SENTENCE

The arguments-subjects are represented with eight deep cases. The agentive is the active animate producer of actions. The causative is the argument that provokes the events in causal situations. The elementive is the active non-animate (usually natural, spontaneous producer of actions). The experiensive is the animate argument that is in some physiological or psychical condition. The benefisitiative is the animated argument as an addressee, a recipient. The descriptive is the argument as a bearer of the property. The "role" grammar of Ch. Fillmore served as the model for the description of arguments-subjects in Ob-Ugrian sentence. There are the comitative and contragentive as well.